

ПИКТОГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ АЙНОВ¹

В 1979 г. группа сотрудников Приамуро-Тихоокеанского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР выезжала на один из островов Курильской гряды — Итуруп — для ознакомления с петроглифами. В состав группы входили сотрудники Института этнографии АН СССР Ч.М. Таксами (начальник отряда), Ю.В. Кнорозов, А.Б. Спеваковский, а также сотрудники Южно-Сахалинского краеведческого музея В.О. Шубин и М.М. Прокофьев.

Сведения о петроглифах на острове Итуруп появились уже давно. В 1948 г. они были обнаружены в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий Г.М. Власовым². Позднее по поручению археолога В.А. Голубева студенты Южно-Сахалинского педагогического института сделали несколько фотографий петроглифов³. С петроглифами Итурупа ознакомились и другие исследователи⁴.

Восхождение на кальдеру вулкана Богдан Хмельницкий осуществлялось по каменистому руслу реки Южный Чирип. Угол восхождения равнялся приблизительно 45°, а в трех местах — 70°. В середине пути был отмечен большой водопад.

Кальдера представляет собой большую площадку (примерно 1,5 кв. км), сильно поросшую кустарником, с севера, востока и юга ограниченную отвесными скалами. На территории кальдеры обнаружено два озера — большое и малое (периодически высыхающее) и несколько крупных каменных блоков, скатившихся сверху, вероятно во время землетрясений. На них имеется ряд крупных и мелких царапин, образовавшихся во время падения.

Спуск с кальдеры производился по руслу реки Северный Чирип, мимо озера Тихое. При спуске в нижнем течении реки было отмечено несколько водопадов.

На берегу между речками Южный и Северный Чирип были обнаружены камни с едва различимыми надписями. Вода в речках насыщена сернистыми соединениями и не годится для питья, но привлекает

¹ Совм. с А.Б. Спеваковским и Ч.М. Таксами.

² Г.М. Власов, Итурупские письма на камнях. Вопросы географии Дальнего Востока. Хабаровск, 1956.

³ Пользуемся случаем выразить благодарность В.А. Голубеву за любезную присылку фотографий.

⁴ См.: Т.В. Стешенко, С.А. Гладышев, Древние памятники Курильских островов. В кн.: Исследования по археологии Сахалинской области. Владивосток: Изд. Дальневост. науч. центра АН СССР, 1977, с. 31.

морских животных и птиц. На прибрежных камнях в устье р. Северный Чирип и сейчас принимают серные ванны нерпы и бакланы. В море часто появляются косатки.

Примерно посередине между речками есть небольшой песчаный пляж, удобный для причаливания. Из-под берегового уступа вытекает несколько ручьев с хорошей питьевой водой, теряющихся в валунах и гальке. Ручьи заметны издали по зелени. Склоны расположены далеко от берегового уступа и не угрожают камнепадами, как подступающие к морю склоны севернее и южнее.

Айны посещали этот берег, видимо, для охоты на морских животных и птиц.

Вероятно, их привлекали береговые заросли, где растет шиповник, виноград, рябина, сарана, черемша, шикша, костяника, брусника и т.п.

Пиктографические надписи (рисунок), если их можно так назвать, сделаны на ровной, обычно горизонтальной поверхности обкатанных морем валунов или необкатанных глыб (в дальнейшем условно называемых плитами). Время нанесения надписей пока не определено.

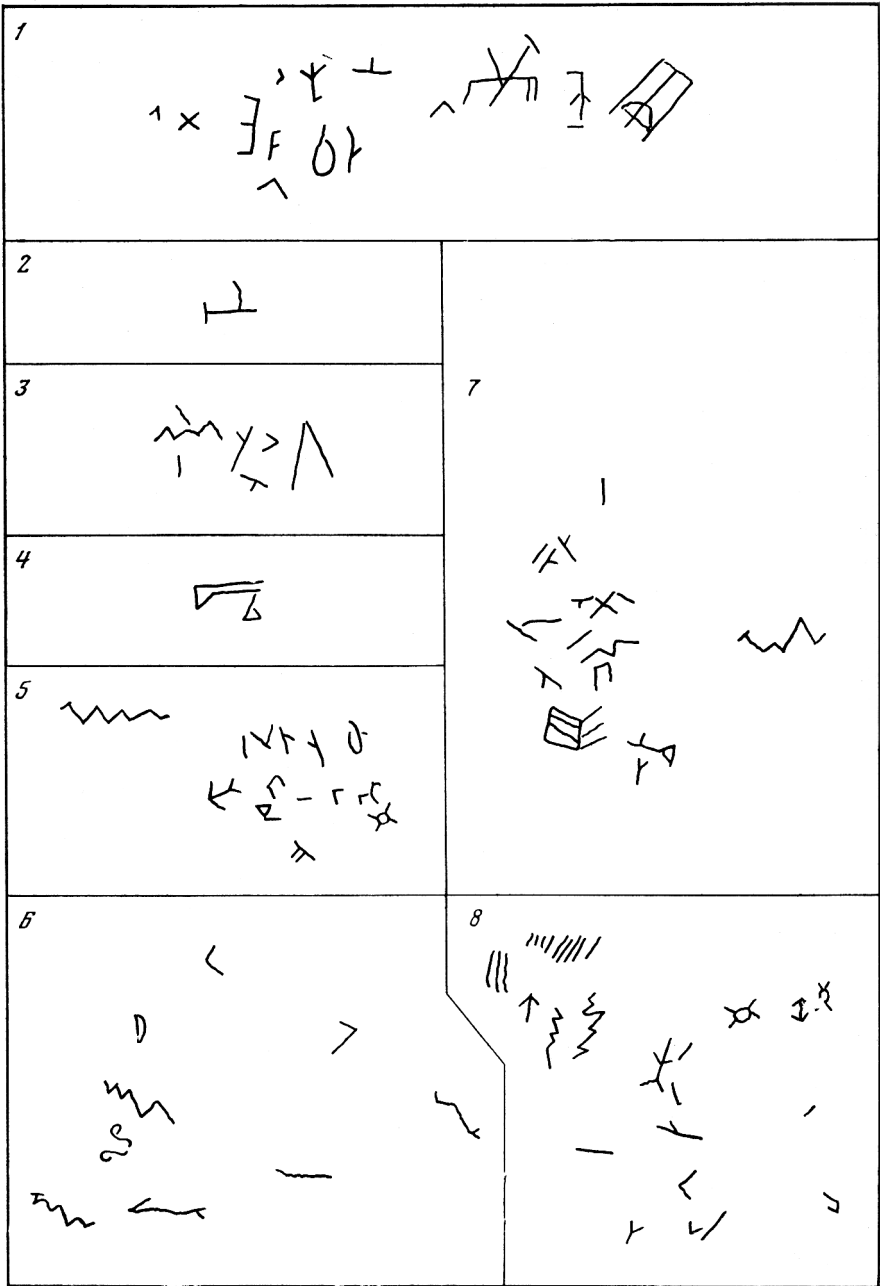
Плиты с надписями находятся на левом берегу ручьев, подобно тому как селения айнов обычно располагались на левом берегу реки. Надписи процарапаны на камне на разную глубину; со временем часть «пиктографического текста» оказалась стертой волнами прибоя. Все знаки линейные. Некоторые группы знаков так сильно размыты, что прорисовка их может быть не всегда точной.

Надписи на плитах распадаются на группы знаков и сходны по построению и набору знаков как друг с другом, так и с другими пиктографическими текстами айнов. Тем самым вопрос об аутентичности надписей на плитах отпадает.

Надписи на плитах перекликаются с надписями на своеобразной детали праздничного инвентаря айнов — усодержателях «икуниси» (букв. «питьевая палка»).

Усодержатель — обычно тонкая дощечка 25–50 см длиной и 1,5–4 см шириной. На левом конце треугольный срез-ручка. Правый конец обрезан под тупым углом. Усодержатели делались из древесины «священных» деревьев (в том числе вяза и березы) различного цвета. Некоторые усодержатели имеют небольшой изгиб, возможно имитирующий часть окружности полной луны, как и «инау чубо» («луна из инау») или полукруг, в котором убивали медведя; усодержатели с саблеобразным изгибом, видимо, символизируют саблю хозяина огня и т.д. Ими айны приподнимали свои усы, когда пили хмельные напитки в торжественных случаях, особенно на медвежьем празднике. Это был главный годовой праздник в честь важнейших духов-хозяев. Он справлялся по лунно-солнечному календарю в последнее полнолуние перед зимним солнцестоянием и сопровождался многочисленными магическими и умиловительными

обрядами для обеспечения благополучия в наступающем году. Пиктографические записи на усодержателях содержат определенную магическую формулу. Сходная формула имеется и на прибрежных плитах, что должно было обеспечить, очевидно, удачный морской промысел.

Пиктографические надписи айнов на плитах

Айны занимались охотой на морского зверя, главным образом нерп и сивучей. Охотились с простым луком и стрелами, отравленными ядом аконита. Наконечники стрел были железные, со «змеиным язычком», гладкие или с зубцами. Как писал Стеллер, «киты и сивучи, легко раненные, не могут долго быть в море, но с ужасным ревом выбрасываются на берег и погибают бедственным образом». Киты, дающие сразу много припасов, были особенно заманчивой добычей. Китов, загнанных к берегу хищными косатками, айны считали даром духов. Поэтому косатку называли «чогу-еку» («друг, снабжающий пищей») и почитали как главного морского хозяина. Для охоты на тюленей айны употребляли особые сети, вилообразный гарпун, а также длинное копье (*туна*) с наставкой (*китэ*), снабженной зубцами и ременным линем. Айны промышляли также морскую рыбу и птиц. Рыбу ловили главным образом в реках во время ее хода на нерест, пользуясь трезубцем или жердью с вилообразным или загнутым концом. На суше охотились с луком и рогатиной на медведей, кабанов, оленей, выдр и других зверей.

Среди почитаемых айнами многочисленных духов-хозяев было несколько особо важных. Дух-хозяин или хозяйка имел общее название «камуй» («кам-труй» — «богатый мясом»), которое понималось очень широко: дух-хозяин (бог), дух, змея, медведь, зверь, начальник, владелец. Верховная хозяйка солнца в образе змеи называлась «чүф камуй», что означает «владелец светила» или «владельцы светил», т.е. солнца и луны (в зависимости от контекста). Важную роль играл «нубури камуй» («хозяин гор»), к которому на новогоднем празднике «отправляли» в качестве посла медведя.

Своим покровителем и предком айны считали хозяина огня, который известен под наименованием «ойна камуй» («дух преданий») и многими другими названиями. Его мать («хозяйка вяза») дала ему якобы саблю, при выхватывании из ножен вспыхивающую огнем, из-за чего ножны обуглены. Она особо почиталась айнами, так как из твердой древесины вяза они делали прибор для добывания огня трением и другие важные в хозяйстве орудия, из его луба — одежду, а также горючий трут. Отцом хозяина огня был «пакор камуй» («хозяин года»), почитавшийся в образе птицы.

Хозяином суши (особенно леса) считался медведь, а хозяином моря — уже упоминавшаяся косатка, помощница и благодетельница морских охотников. К камуям причисляли китов и тюленей.

Священным деревом считали березу, в ствол которой пускали стрелы во время жертвоприношений главным духам-хозяевам. Камуям приносили различные жертвы, среди которых важную роль играли палочки, обвитые стружками, носившие общее название «инау». Обычно инау изображал или скорее представлял собой человекообразную фигуру, в которой различались голова, туловище, руки и т.д. Для каждого глав-

ного камуя делали особые инау. Некоторые инау олицетворяли посланцев к главным камуям. Медведь-посол получал целую свиту инау.

Новогодний праздник назывался «камуй асиньки» — «выведение (из клетки) медведя» или «камуй оманте» — «отправление (к хозяину гор) медведя». Ночь накануне праздника и первый день праздника участники проводили в обрядовых плясках. Утром второго дня разукрашенного медведя привязывали к столбу в полукруге из «медвежьих инау» (*исо инау*), украшенном саблями, и убивали стрелой. Шаман якобы «вновь поднимал» (*йоритаку*) медведя, помахивая жезлом, увешанным инау, и произнося заклинания. День проводили в плясках и пиршестве с «участием» духа медведя, голову которого укладывали на почетное место. Для этого пиршества в честь медведя-посла и предназначались икуниси.

Каждый участник (гость) пиршества произносил про себя молитву, держа усодержатель над чашей (*таки*) с хмельным напитком; затем проводил два раза над чашей усодержателем, брал им каплю напитка и стряхивал, отводя руку в сторону жертвы духу-хранителю селения. Только после этого гость пил напиток, клал икуниси на чашу, подносил ее ко лбу в знак благодарности хозяину и передавал следующему гостю.

На третий день праздника выдывали шкуру и очищали череп медведя, который в полдень следующего дня относили вверх по реке в горный лес, поближе к предполагаемому обиталищу хозяина гор.

Считалось, что умершие люди и собаки уходят через отверстие в лесу «ивасуй» («нора ухода») в «похна котан» («нижнее селение»), медведи — в «яма котан» («лесное селение»), сивучи и нерпы — в «атууй котан» («морское селение»). Главному хозяину моря, косатке, молились и приносили жертвы на берегу, сжигая головы пойманных морских животных.

Береговые плиты с пиктографическими надписями, по представлениям айнов, должны были, как и икуниси, обеспечить помощь в морском промысле главных духов-хозяев. В отличие от икуниси, которые изготавливали заново каждый год (чем объясняется и большое количество их в музейных коллекциях), редкие береговые плиты, по одной у каждого ручья, вероятно, были рассчитаны на много лет.

* * *

Основной единицей в пиктографическом письме является сцена, передающая ситуацию, сохраняющуюся неопределенное время, или, как ее частный случай, событие, приводящее к переходу от одной стабильной ситуации к другой. Передача сообщения о ситуации достигается путем копирования того, что видит или воображает подающий сигнал наблюдатель на протяжении определенного отрезка времени. Адресат, наблюдая копию ситуации, получает о ней приблизительно

такое же представление, как и наблюдатель. Каждая ситуация может быть описана неопределенным количеством фраз.

При копировании применяется контурная проекция на плоскость. При этом исключаются наблюдаемые объекты, не имеющие (по мнению изображающего) отношения к копируемой ситуации или несущественные; теряется ряд наблюдаемых признаков и дается приблизительная передача контура и цвета. Кроме того, имеют место искажения, обусловленные примененным материалом и орудием, а также квалификацией и состоянием изображающего.

Так как передать реально наблюдаемые или представляемые непрерывно изменяющиеся ситуации с помощью статических неизменяющихся копий невозможно, непрерывный ряд ситуаций преобразуется в дискретный путем квантования на интервалы неравной абсолютной продолжительности. Принимается, что в течение определенного интервала ситуация остается неизменной и таким образом может быть передана статической копией. При этом копируется все то, что остается неизменным на протяжении избранного интервала, и устраняется все меняющееся (пиктографическое изображение). Так, в эскимосской пиктографии лодочник не может быть изображен наклонившимся, а метнувший гарпун охотник — выпрямленным.

В некоторых случаях айнские мастера передавали и меняющуюся ситуацию, делая икуниси с подвижными фигурками.

В айнской пиктографии представлено как стадияльно более раннее изолированное расположение входящих в сцену объектов, так и более позднее масштабное (классическое).

При изолированном расположении изображения объектов размещаются на экспозиционном поле независимо друг от друга, хотя и в непосредственной близости. Фактическое пространственное расположение их игнорируется, а взаимодействие не выражено графически. Адресат должен по набору изображенных объектов понять, какая ситуация имеется в виду.

При масштабном расположении изображения входящих в сцену объектов помещаются на экспозиционном поле в соответствии с их действительным (или воображаемым) пространственным расположением на определенный отрезок времени. В связи с этим объекты изображаются так, как их можно видеть из различных точек, т.е. для каждого объекта или его детали может быть своя точка наблюдения.

Изображения входящих в сцены объектов в ряде случаев предельно упрощены, схематизированы и, в сущности, находятся на грани превращения в знаки-символы. При этом встречаются случаи передачи целого по части (в нарушение правил классического пиктографического изображения): например, ромбовидная чешуя — змея, округлая чешуя — рыба, крылья — птица, узор на коре — соответ-

ствующее дерево. Предельно упрощенные знаки, например штрих, могут быть поняты только в пределах сцены. Длинный штрих, окруженный косатками (плита 3 слева сверху — см. рис.), видимо, кит. В других случаях штрих может обозначать (учитывая масштаб) рыбу, гарпун, стрелу и т.д.

Между тем для fasciniрующего воздействия на адресат в записях на икуниси некоторым объектам (например, змее, медведю, косатке, ядовитому лютику) придавались рельефная или скульптурная форма и раскраска.

В начале пиктографических надписей на прибрежных плитах и на дощечках для поддерживания усов во время питья стоят схематические, упрощенные знаки или же изображения, передающие имена главных духов-хозяев, которые почитались у айнов.

«Хозяйка солнца» почиталась айнами в образе змеи. В пиктографических надписях змея изображена в рельефной (МАЭ, колл. № 700-225) и скульптурной форме (СКМ⁵, колл. № 48-9), а также в виде шкурки змеи (МАЭ, колл. № 811-11) и зигзагообразного знака (рис., плиты 3, 5, 7). «Хозяйка вяза» считалась у айнов матерью хозяина огня и почиталась в образе вяза. В пиктографических надписях вяз передавался рисунком узора на коре вяза (МАЭ, колл. № 811-11, СКМ, колл. № 48-9, 48-19). «Хозяин огня», считавшийся покровителем айнов, видимо, обозначался в пиктографических надписях косым крестом (плита 2) (схематическое изображение прибора для добывания огня).

После обращения к главным духам-хозяевам в пиктографических надписях идет изложение того, что было желательно в будущем: охотники промышляют морского зверя гарпуном (плиты 2, 5), сетями (плиты 1, 5, 7, 8), отравленными стрелами (плита 8?), хищные косатки «гонят к берегу крупных морских животных» (плиты 1, 7, 8), морские птицы предвещают благоприятную погоду и помогают отыскивать добычу.

Сеть изображается двойко и встречается в группах с изолированным расположением знаков: лодка, две сети (плита 5, справа внизу); косатка, сеть (плита 7, слева внизу); тюлень между двумя сетями (плита 5, справа сверху); сеть (плита 1, справа).

Тюлень и два коротких штриха (плита 8, середина), — видимо, сцена охоты с отравленными стрелами. Ядовитый лютик, соком которого смазывали стрелы, фигурирует на усодержателях (МАЭ, колл. № 839-32а/5, цветное рельефное изображение; МАЭ, колл. № 839-64б/9). Он изображен на фоне змеиной шкурки и, видимо, находился в введении хозяйки-змеи.

⁵ СКМ — Сахалинский краеведческий музей (Южно-Сахалинск).

Гарпун с линем встречается в группах с изолированным расположением знаков:

— две косатки, гарпун с линем (плита 5, справа сверху);

— лодка с гребцом и гарпунщиком на носу, гарпун с линем, косатка? (плита 1, нижний ряд, справа);

— косатка? (плита 1, нижний ряд, справа);

— на усодержателях та же сцена с масштабным расположением в очень реалистическом изображении: пораженный гарпуном тюлень, от которого тянется лить к лодке (СКМ, колл. № 48-15, 48-22, 84-9, 84-11).

Косатка встречается в нескольких группах: плиты 3, 5 (две косатки сверху), 7 (две косатки и длинный штрих, видимо, обозначающий большое морское животное, слева сверху), 8 (внизу).

Скульптурное изображение косатки, на правом боку — линейный знак косатки (МАЭ, колл. № 839-64г/д).

Три скульптурных изображения косатки. Икуниси (СКМ, колл. № 14-18). Одиночный знак на плите 2 (правый берег ручья) — возможно, кит с фонтаном.

Крестообразный знак на вершине валуна обозначает летящую птицу (чайку?). Такой же знак глубоко выбит на плоской горизонтальной поверхности камня, на вершине скалистого берега около устья р. Куй-бышевка (левый берег).

Приведенные в статье материалы свидетельствуют о том, что на Курильских островах сохраняются интересные памятники культуры. Нами найдено пока лишь небольшое число каменных плит с петроглифами на коротком отрезке побережья полуострова Чирип.

Интерпретация пиктографических памятников айнов позволяет лучше понять их традиционную культуру. В дальнейшем необходимо провести более широкое обследование памятников на Курильских островах.